

БЫЛЬ О ПАХАЧАХ

1. Легенда о человеческом сердце

— В то время я только начал немножко думать, — начал рассказ старик Рультытегин. — Давно это было. Темны теперь глаза мои, землю не ласкают, оленей не видят. А были зоркими они, быстрыми, как удар орла.

Да-а, давно. Но отцы наши еще помнили этого человека...

Уютно потрескивают дрова, розовые тени играют на корешках книг, лице старого, но крепкого, как камень-валун, чукчи. Из-за стены плавно летится, навевает какую-то особую, светлую грусть песня. Там клуб, там репетиция.

— Хорошо им, — кивает головой в ту сторону Рультытегин. — Счастливые.

Только не пойму, все сейчас у нас в достатке, а мужчины слабыми стали. Девушки, а не мужчины.

Миша Кергувье, секретарь сельсовета, заглядывает к нам, улыбается последним словам, шепчет:

— Завтра с утра на речку. На собачках гонки будут.

— Ох и хитрый этот Михаил. Знает, как задеть старика.

— Гонки-гонки, — продолжает свое старик. — Раньше не гонялись, раньше красиво жить умели. Вот слушай лучше.

...Высоко поднялись чукчи по берегу моря, били зверя, рыбу ловили, а по вечерам под рокот бубна пели. Задушевно пели, так хорошо пели...

Не было у них тогда большого достатка, не было и воли. Но зато имели они крепкие руки, да сердца, людям открытые.

И был с ними тогда пастух Лектыгигин. Лучше других умел он пасти оленей, отлично поражал зверя, и не было на земле человека, который бы сумел померяться с ним силой.

Но был беден Лектыгигин, хотя и у береговых чукчей побывал и табуны не один год гонял по тундре. Не держалось у него богатство. Да и кто из настоящих людей о своем достатке задумается, когда вокруг помощи твоей ждут.

Но вот новая беда пришла в тундру. Разнесся слух, что пришел с Севера недобрый человек, богатырь Гиргольковав. Кочует он со своим родом среди олиторских чукчей и всех на борьбу зовет. Только не бывает праздника, не веселятся жены после той борьбы. Потому что каменное сердце гремит в груди Гиргольковава, и падают чукотские бойцы, которые выходят бороться с ним, мертвыми. А потом забирает Гиргольковав их оленей, их скarb, и бредут осиротевшие женщины и дети искать приюта и пищи в соседних стойбищах.

Веселый человек был Лектыгигин. Любил он праздники богатырские, любил круг друзей верных, а от его белозубой улыбки даже самые гордые девушки расцветали, как пунцовые маки под утренним солнцем.

Но когда узнал он о Гиргольковаве, потемнело его лицо, запали на лбу тяжелые морщины, словно костер ненависти выжиг из него счастливую беспечность молодости.

...Старик Рультытегин замолчал, не спеша стал разворачивать кисет. За окном прошелестели легкие шаги, чей-то голос спугнул на миг тишину, и снова повисла она над клубом, над поселком. А я и не заме-

тил, как умерла песня, как разошлась по домам молодежь. Я всматривался в лицо старика, неподвижное, гордое, красивое, словно смелой рукой высеченное из гранита и представлял себе бескрайнюю и печальную тундру, редкие огни костров у невеселых юрт, слышал тревожное гуденье бубна, созывающего народ на военный танец. И думалось мне, как сильны должны быть люди, покорившие эту суровую землю и в непрерывной борьбе с опасностью, с врагами сохранившие неистраченную чистоту души, жар сердец.

— Что, думаешь, сказку рассказывает тебе Рультытегин, — по своему понял мое молчание старик. — Посмотри, вон, — кивнул он за окно. — Много и сейчас ходит по поселку внуков и правнуков Лектыгигина. Наши пахачинские края вскормили его, дали силу. Приглядишься к ним, внимательнее приглядишься, тумгутум. Иначе ничего не поймешь ты в моих словах. Старая женщина плетет сказку. Мужчина рассказывает о подвигах предков так, как поведали им об этом их отцы.

Не слышно больше голоса Рультытегина. Я вижу богатыря-чукчу, собирающегося в долгий путь. Больше шестисот километров пролегло от бухты Наталии, где кочевал тогда род Лектыгигина, до Пахачей. Вот плачут женщины, отговаривая его от опасного пути, смертельного поединка. Вот кладет он на плечи свой кожаный мешок, тридцать шкур оленьих, лахтака и отправляется в дорогу.

Только один раз ночевал Лектыгигин в пути. А на второй день подходил он уже к поселку. И тут же начал готовиться к бою. С утра уходил он в лес за дровами, клал на голову огромную вязанку, которую и пятеро мужчин не стронут с места, и нес дрова в поселок. Холодная была в ту пору зима, а Лектыгигину больше всего по сердцу приходилось, когда вился над юртами теплый ароматный дымок.

Но вот пришел март, и стали олиторские, пенжинские и чукотские роды собираться на ярмарку. Со всех стойбищ сходились туда лучшие борцы, плясуны, прыгуны... Пришел и Гиргольковав, похвалялся дерзко своей силой, приглядывался, кого бы на борьбу вызвать, чтобы добром его овладеть. И многих бы хороших охотников и пастухов не досчитались чукчи на той ярмарке, если бы не вышел вперед Лектыгигин и не вызвал жадного богача на поединок.

Положили на землю моржовые шкуры, плотно окружили место борьбы, чтобы по правилам велся бой.

И схватились Лектыгигин с Гиргольковавом так, что загудел ветром воздух, а под богатырскими ногами в клочья разлетелись крепкие шкуры. До позднего вечера боролись богатыри, но не мог один одолеть другого.

Утром снова с восходом солнца схватились они, но опять до вечера не пришла ни к тому, ни к другому победа. Огромен и страшен был Гиргольковав, но таяли его силы, а в сердце его не было места для других чувств, кроме злобы и жадности. А известно, что в любом деле злоба и жадность — ненадежные помощники.

Лектыгигин же, чем больше боролся, тем сильнее становился, потому, что думал он о народе, и освежали его эти думы, и прибавляли силы.

Четыре дня продолжался бой. Наконец, на пятое утро упал на землю Гиргольковав и запросил пощады. Не стал убивать его Лектыгигин, но так сильна была злоба в каменном сердце пришельца Севера, что разорвала злоба его сердце и умер чужой богатырь.

И не нашлось человека, который бы добрым словом помянул его. Началось тут великое гулянье, веселое празднество. А Лектыгигин забрал все богатства Гиргольковава и раздал их бедным.

Долго после этого жил Лектыгигин. Сам приходил он на помощь слабым, обездоленным. Ненавидел он только хвастунов, кичащихся своим богатством. Всегда выходил он против них на бой, и всегда побеждал их.

Многие рассказывают, что встречали Лектыгигина. И встречи с ним были похожи на встречу с первым днем лета, на встречу с любимым братом...

...Рультытегин поднялся, долго молча стоял у окна. За ним мирно спал красивый молодой поселок Верхние Пахачи. Чистые, необыкновенной голубизны, звезды повисли над сопкой «Шаман», обещая ясное утро.

Но что видел там он, слепой старик?

Или же видел он гораздо больше меня, потому что вдруг тихо для самого себя сказал:

— А когда умер Лектыгигин — никто не знает. Да может он и не умирал вовсе. Разве сердце человеческое умереть может? Какое же оно тогда сердце?

БЫЛЬ О ПАХАЧАХ

2. Сутки перед Новым годом

Двое собирались в дорогу. Провожали товарищи — невысокий крепыш, обладатель густого сочного баритона, директор школы Захаров и прораб совхоза, хитроглазый хохол Алфимов. Пятым оказался я.

В тот день поселок притих, словно ожидал чего-то. «На по том» откладывались неспешные дела, только суетились хозяйки, делая последние приготовления к празднику, да девушки ломали головы над серьезнейшей проблемой изготовления фантастического банта к предстоящему маскараду.

Двое еще раз осмотрели брошенные тут же в углу кухлянки, рюкзаки, походные ножи. Все на месте, ничего не забыто...

Потом долго сидели за столом, перекидывались незлыми остротами, говорили о пользе спорта и о том, что много еще выходит в свет слабых книг, о своих совхозных новостях.

— Когда еще к нам? — спрашивал Захаров Николая Владимировича Терскова.

— Теперь нескоро. Основные дела окончены.

Дела они окончили час назад. Это может показаться нудным — долгие сутки сидеть не разгибая спины, выводить цифры показателей, считать, перечеркивать, считать снова. Но мне почему-то их работа над отчетом совхоза напомнила труд фотографа. За утомительными мертвыми цифрами, как на пленке, возникал поистине героический труд сотен людей, вставало будущее совхоза...

Но те двое, если и думали об этом, то глубоко держали свои мысли. А вслух, как дети, радовались рекордным показателям бригады Ильякани и тому, что Килькут почти не отстал от него, и общим показателям совхоза, которые гораздо выше результатов других оленеводческих коллективов...

В скучном слове «отчет» была оценка их жизни, их труда за год, и оценка эта оказалась очень высокой.

— Давайте споем, — предлагает Илья Вельгоша, главный зоотехник совхоза, а совсем недавно, всего полгода назад, студент. И, не дожидаясь согласия, заводит любимую в поселке красивую песню о сибирских просторах, о людях, которые забывают об удобствах домашней жизни, чтобы сделать счастливой жизнь в этом необжитом краю. Негромкие мужские голоса вплетаются в песню. Она растет, и, кажется, никогда еще эти люди, привыкшие измерять дружбу не на вес слова, а на полновесную мерку человеческой жизни, не были так близки друг другу.

«...Как тропинки в тайге
пробивали
В сумасшедший сибирский
мороз...»

— поют мужчины, и если очень
прислушаться, услышишь, как о

жгучего холода мерно гудят за окном телеграфные провода, как под ногами редких прохожих повизгивает смерзшийся снег.

Был трудный переход. Слая пурга, мороз. Где-то Илья сбился с пути и по пояс провалился в ледяную воду. С трудом на берегу натянул легкий полог, на минуту разжег костер. Но тяжелый удар ветра тут же разметал сучья. Немели ноги, неумолимо подкрадывалось чувство обреченности. Но надо идти. Надо идти вперед, непрерывно, не останавливаясь. И он шел, срывался, падал, полз, двигался, двигался вперед.

К утру утихло. А когда совсем рассвело, оказалось, что в полкилометре стояли, обещая тепло и отдых, пастушеские юрты.

Но дело не в этом. Все-таки удалось спасти заболевших неожиданно оленей, ради которых шел он в бригаду. А потом пастухи смеялись, рассказывали, как Чильгат охотился на барана... И вкусно пахло дымом.

Чай крепкий, наваристый. От него по комнате разносится приятный аромат.

Но вбегает раскрасневшаяся, запыхавшаяся...

— На ферме корова телится.
И не знаем, что делать...

Остывает чай. Мужчины торопятся на ферму. Что из того, что через пару часов в путь. Пока-то они здесь, и чем могут должны помогать.

Домой приходят усталые, но довольные. Хороший родился теленок, крепкий, сильный. Такое событие можно и отметить чаем...

— Смотри, Илья, возвращайся, только когда убедишься, что корма на ферму отправлены, — советует Терсков младшему товарищу. — Иначе тяжело придется со скотом.

Сам он уже седьмой год работает на Камчатке. Приехал таким же вот, как Илья. Да что говорить, крепко подорвали здоровье постоянные волнения, бессменный труд. Но и сделано многое. Недаром с такой любовью смотрит на него Илья. Да и остальные работники совхоза...

— Давно уже не встречал я

Новый год по-человечески, — сетует Николай Владимирович. — Все как-то комом выходит. Вот плюну на дела и буду гулять дни три... Под елочкой попляшу, сто почку с вами выпью...

А сам получше увязывает чем модан, мешок. Нет, не попляшет он под елочкой и на этот раз. Скоро взойдет луна, скоро в пути

— Я-то постараюсь к праздни-
ку вернуться, — говорит Илья.
— Наведу порядок, корма отпра-
влю и назад.

— Может, и я успею в Ачай-
ваям...

Вряд ли они успеют. Нелюбопытство, некороток путь. А если успеют добраться на место до праздника, — впереди ждет их не торжественный стол, а не штрафной бокал за неподдержку. Их будет ждать работа, обиденная, негероическая. А может быть, как раз героическая. Кто знает, где начинается он, героизм!

На следующий вечер был мороз под тридцать. Когда открывалась дверь, густые клубы пар вкатывались в комнату.

Вечером где-то далеко в тундре

— Хак, хэ-ак! — кричат
ры.

Скоро, совсем скоро
год.

Бегут где-то собаки. Я хочу
окончить дела шестого
года, а может уже и седьмого,
второго, Ильи и Николая
мирович.

А я?... Мне тоже пора
Правда, на улице мороз,
так уютно освещен...

Но бегут собачки.
секундная стрелка, гонимая

И тихие перед
Верхние Пахачи толпы
вый взгляд кажутся тихими
может ли хоть на миг остано
ся жизнь?

Надо спешить. Иначе
отстать от них, моих
ных, неразговорчивых
Иначе останешься очень
ким.

Без вас, мои Верхние

Фотоэтюд К. Бонича.

Рис. Ю. Андрухович